

Цымрина Татьяна Валерьевна

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2011/6/18.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (49). С. 45-55. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2011/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 93/94

*Татьяна Валерьевна Цырина**Таганрогский технологический институт Южного федерального университета*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ДЕКАБРИСТОВ®

Исторические взгляды декабристов во многом определили их политические взгляды, поэтому, чтобы понять идеологию первых русских революционеров, необходимо знать их воззрения на историю России и исторический процесс в целом. Единственное обобщающее исследование по данной теме - монография С. С. Волка «Исторические взгляды декабристов» [8]. С. С. Волк считал взгляды декабристов на историю в целом идеалистическими, но отмечал, что они придавали большое значение экономическим факторам развития общества, объясняли классовые противоречия экономическими причинами, признавали выдающуюся роль народа в истории, стремились к объективности. Следовательно, в их мировоззрении были материалистические тенденции. По мнению С. С. Волка, исторические взгляды декабристов сформировались под влиянием идей Просвещения XVIII в. и французской историографии эпохи реставрации, но отличались самобытностью. Он подчёркивал, что русские просветители, особенно А. Н. Радищев, оказали на декабристов не меньшее влияние, чем французские. Исторические сочинения декабристов С. С. Волк считал шагом вперёд по сравнению с официальной историографией. Декабристы искали в истории примеры для подражания и доказательства справедливости своих политических взглядов. Они стремились понять внутреннюю логику истории, её объективные законы, выявить причинно-следственные связи. Декабристы рассматривали революцию как необходимый момент в развитии общества. Для декабристской историографии характерно всестороннее рассмотрение каждого исторического явления во взаимосвязи со всеми сторонами жизни данного общества в данную эпоху. Декабристы рассматривали отечественную и всемирную историю в развитии. Идея прогресса являлась основой их мировоззрения. По мнению С. С. Волка, декабристы считали просвещение и законодательство главными движущими силами истории. Он исследовал взгляды декабристов не только на отечественную, но и на всемирную историю, отмечал их интерес к древней истории и к революционным эпохам. Однако в центре их внимания была русская история. Декабристы критиковали «норманнскую теорию», так как она оскорбляла национальное достоинство русского народа, оправдывала абсолютизм и противоречила историческим фактам, изучали русские демократические учреждения, чтобы доказать способность русского народа к самоуправлению и связь своих идей с русской жизнью. Декабристы изучали также историю промышленности. Их отношение к Петру I было двойственным. Они отмечали объективную обусловленность его реформ и их связь с развитием России в XVII в., одобряли его просветительскую деятельность, борьбу за выход к морю, создание регулярной армии и флота, но осуждали его деспотизм и антинациональные тенденции в его деятельности, подчёркивали, что при нём жизнь народа значительно ухудшилась. С. С. Волк отмечал, что у декабристов не было единства в оценке Петра I: М. С. Лунин и М. А. Фонвизин критиковали его, А. О. Корнилович идеализировал, Н. А. Бестужев стремился к максимальной объективной оценке его деятельности. Эпоху дворцовых переворотов, особенно правление Анны Ивановны, декабристы оценивали отрицательно. С. С. Волк впервые использовал для характеристики взглядов декабристов на историю их письма, воспоминания и художественные произведения, впервые исследовал исторические взгляды К. Ф. Рыльева. В работе С. С. Волка исторические взгляды декабристов освещены наиболее полно, однако он не обратил внимание на высказывание Н. М. Муравьёва о борьбе противоположностей как о движущей силе развития общества и необходимом условии его существования и на то, что М. А. Фонвизин подошёл к открытию военной демократии как переходной стадии от первобытного общества к классовому. Комментируя высказывание М. С. Лунина: «Эпохи переходные, неизвестные в таинственном шествии народов к цели общественного устройства, являют случаи, в которых действия лиц политических, какого бы сословия они ни были, должны выходить из ряда обыкновенного, пробуждать правительства и народы, усыпленные постоянным влиянием ложного устройства и предрассудков, наложенных веками. Когда эти люди принадлежат к высшим сословиям состава общественного, тогда действия их есть обязанность и средство употребления умственных способностей платить за выгоды, которые доставляют им совокупные усилия низших сословий» [14, с. 291]. С. С. Волк не обратил внимание на идею долга интеллигенции перед народом, впервые высказанную М. С. Луниным и впоследствии развитую П. Л. Лавровым. Отношение декабристов к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина С. С. Волк осветил несколько односторонне. Он относил Н. Р. Цебрикова к правому крылу движения декабристов, что не подтверждается источниками. Деятельность Н. А. Бестужева как историографа русского флота изучала Г. Е. Павлова. По её мнению, исторические взгляды Н. А. Бестужева сформировались под влиянием А. Н. Радищева. «Опыт истории российского флота» Н. А. Бестужева - первый обобщающий труд по данной теме. Он стремился показать развитие русского флота с древнейших времён, в связи с историей России в целом. По мнению Г. Е. Павловой, исторические взгляды декабристов были противоположны взглядам Н. М. Карамзина. Г. Е. Павлова считала его ортодоксальным «норманистом» и не видела отличия его взглядов от воззрений Г.-З. Байера, Г.-Ф. Миллера и А.-Л. Шлёцера. Декабристы критиковали «норманнскую» теорию и доказывали,

что русский народ сам создал своё государство и по уровню экономического и культурного развития не уступал народам Западной Европы. Исторические взгляды декабристов совпадали с взглядами А. С. Пушкина. Г. Е. Павлова исследовала также отношение декабристов к отдельным периодам и событиям отечественной истории. По её мнению, они не могли понять объективные причины феодальной раздробленности. Татарское иго декабристы считали абсолютным злом для России. Г. Е. Павлова отмечала повышенный интерес декабристов к государственному строю Новгорода. Новгород служил доказательством существования в России республиканских традиций. По её мнению, большинство декабристов идеализировали Новгородскую республику и преувеличивали степень её независимости. Н. А. Бестужев, в отличие от своих единомышленников, считал Новгород неотъемлемой частью Руси и, следовательно, признавал необходимость присоединения его к Московскому государству. Взгляды декабристов на правление Ивана III и Ивана Грозного Г. Е. Павлова считала односторонними, но отмечала, что Н. А. Бестужев положительно оценивал просветительскую деятельность Ивана Грозного и присоединение к России Казани, Астрахани и Сибири. Г. Е. Павлова отметила стремление Н. А. Бестужева к максимальной объективности в оценке деятельности Петра I, положительное отношение к его прогрессивным преобразованиям, особенно в области просвещения, и неприятие методов проведения реформ, прежде всего, усиления эксплуатации народа государством [27]. В целом её мнение об исторических воззрениях декабристов совпадает с мнением С. С. Волка. Взгляды декабристов на Отечественную войну 1812 г. и на военную историю в целом исследовал Л. Г. Бескровный [3, с. 15-20]. Он отмечал, что декабристы считали народ главной движущей силой истории и отводили ему решающую роль в Отечественной войне. Они рассматривали эту войну как национально-освободительное движение русского народа против иноземных захватчиков. По мнению декабристов, для правильного понимания любой войны необходимо знать экономику, внутреннюю и внешнюю политику воюющих стран, военное искусство того времени. Следовательно, в своих военно-исторических трудах декабристы следовали принципу историзма. Об исторических сочинениях декабристов писала М. В. Нечкина [20, с. 167]. По мнению В. Г. Базанова, декабристы уважали Н. М. Карамзина и в целом положительно оценивали «Историю государства Российского», но не принимали его концепцию отечественной истории, особенно «норманскую» теорию. В. Г. Базанов признавал, что декабристы считали народ главной движущей силой истории, но всё же, по его мнению, они недооценивали роль народа в историческом процессе. В этом он видел причину разногласий между А. С. Пушкиным и К. Ф. Рылеевым. По мнению В. Г. Базанова, декабристы модернизировали историю [2]. Мнение В. Г. Базанова об антиисторизме «Дум» К. Ф. Рылеева и о недооценке декабристами роли народа в истории не подтверждено конкретными примерами. Вероятно, он не решился открыто поставить под сомнение высказывание В. И. Ленина о декабристах: «Узок круг этих революционеров, страшно далеки они от народа...». Конечно, обвинять в этом В. Г. Базанова, М. В. Нечкину и других советских исследователей было бы вопиющим антиисторизмом. Это не их вина, а беда отечественной исторической науки, так как её скованность официальной идеологией подрывала доверие к ней и мешала правильному пониманию исторических явлений. Это относится и к движению декабристов. Поэтому, признавая заслуги советских учёных в изучении данной темы, необходимо искать ответы на те вопросы, на которые они не смогли ответить, и, опираясь на их достижения, идти дальше. Взгляды декабристов на историю изучали И. Д. Ковальченко и А. Е. Шикло. Они относили их к просветительскому направлению в отечественной историографии. Предшественниками декабристов И. Д. Ковальченко и А. Е. Шикло считали просветителей XVIII в., прежде всего, А. Н. Радищева. По мнению И. Д. Ковальченко, у декабристов не было целостной исторической концепции, но они рассматривали историю как объективный и закономерный процесс и одним из главных законов истории считали поступательное развитие общества. Декабристы считали главными движущими силами истории просвещение и законодательство, однако отмечали влияние экономических и социальных факторов на развитие общества. Круг научных интересов декабристов определялся их историческими взглядами. В центре их внимания были вопросы истории крестьянства и казачества, экономической и политической истории России, в частности, демократические учреждения допетровской Руси и преобразования Петра I [9, с. 17-18]. Г. Р. Наумова и А. Е. Шикло отмечают, что Н. М. Муравьев и Н. А. Бестужев считали главными задачами исторической науки изучение жизни народа, экономики, государственного строя, поиск исторических закономерностей. По мнению декабристов, история принадлежит народу, а не царям [19, с. 126]. Все исследователи признают, что исторические взгляды декабристов сформировались под влиянием просветителей XVIII в., что в центре их внимания были демократические учреждения допетровской Руси, деятельность Петра I, вопросы военной истории, что они были противниками «норманнской» теории, считали татарское иго и польско-шведскую интервенцию национальными катастрофами, их отношение к Петру I было сложным и неоднозначным. Спорными являются вопросы о взглядах декабристов на роль народа и соотношение объективных и субъективных факторов в историческом процессе, об исторической достоверности их произведений, об их отношении к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и о соотношении исторических взглядов декабристов и А. С. Пушкина. Предметом данного исследования являются взгляды декабристов на функции исторической науки, на характер исторического процесса и на историю России. Исторические воззрения декабристов рассматриваются в связи с развитием исторической науки в первой четверти XIX в. Основными источниками для изучения исторических взглядов декабристов являются статьи Н. М. Муравьева, М. С. Лунина, П. И. Пестеля, А. О. Корниловича, М. А. Фонвизина, Н. А. и А. А. Бестужевых, Н. А. Крюкова, воспоминания Е. П. Оболенского и А. В. Поджио, статьи и стихи К. Ф. Рылеева, стихи А. И. Одоевского.

Повышенный интерес к истории был характерен для XIX в. и являлся следствием Отечественной войны 1812 г. Война вызвала подъём национального самосознания русского народа. Все крупные войны способствовали росту национального самосознания и вызвали интерес к отечественной истории. Куликовская битва побудила русских людей обратиться к истории Киевской Руси - времени национальной независимости и величия. «Задонщина» - подражание «Слову о полку Игореве» [12, с. 239-252]. Полемика М. В. Ломоносова с «норманистами» была в известной степени следствием Северной войны [1]. В. Н. Татищев участвовал в этой войне. Своеобразие первой четверти XIX в. заключалось в более широком распространении образования и, следовательно, в более осознанном обращении к прошлому. В XIX в. история стала наукой, то есть системой знаний, были выработаны методы исторического исследования. Все политические деятели XIX в. искали в истории подтверждения своих политических взглядов. «Мы живём в веке историческом; потом в веке историческом по превосходству», - писал А. А. Бестужев [5, с. 563]. «История государства Российского» Н. М. Карамзина была первым общедоступным сочинением по русской истории и вызвала полемику, в которой приняли участие и декабристы. Н. М. Муравьёв в целом положительно оценивал труд Н. М. Карамзина, но возражал против данного им определения целей исторической науки. По мнению Н. М. Муравьёва, изучение истории необходимо для самопознания народа и понимания причин его современного положения: «История принадлежит народам. В ней находят они верное изображение своих добродетелей и пороков, начала могущества, причины благоденствия или бедствий» [17, с. 170]. Одной из основных задач истории как науки Н. М. Муравьёв считал воспитание молодого поколения: «Не примирение наше с несовершенством, не удовлетворение суетного любопытства, не пища чувствительности, не забава праздности составляют предмет истории: она возжигает соревнование веков, пробуждает душевные силы наши и устремляет к тому совершенству, которое суждено на земле. Священными уставами истории праотцы наши зывают к нам: не посрамите земли русской!» [Там же, с. 172]. По мнению Н. М. Муравьёва, главными достоинствами исторических сочинений являются достоверное изложение фактов и высокий уровень их осмысления: «Можно весьма справедливо сказать, что талант повествователя не может заменить познаний, учёности и глубокомыслия. Что важнее? Мне же кажется, что главное в истории есть дельность оной» [Там же, с. 173]. «...истинно высокие дела, как справедливо сказал один из новейших немецких писателей, требуют только простого и ясного изложения. Представь нам тогдашнее положение дел, опиши потом происшествя так, как они случились, и великий муж, великий полководец предстанет во всём блеске нашим взорам. Ему не нужны восклицания безызвестного ему панегириста...» [18, с. 338].

Декабристы рассматривали историю как объективный процесс, в котором будущее определяется прошлым. Н. М. Муравьёв подчёркивал, что никакой человек или группа людей не может управлять историей по своему произволу: «Вообще, весьма трудно малому числу людей быть выше страстей народов, к коим принадлежат они сами, быть благоразумнее века и удерживать стремление целых обществ. Слабы соображения наши против естественного хода вещей» [17, с. 172]. Насильственно создать новый порядок невозможно. Главной движущей силой истории Н. М. Муравьёв считал борьбу противоположностей: «В нравственном, равно как и в физическом мире, согласие целого основано на борении частей» [Там же]. По мнению М. С. Лунина, общество развивается по объективному закону: «Для великих народов существуют положительные и необходимые условия, которые ничем нельзя заменить. Им, прежде всего, необходимо пространство, реки и море. Без этого самые остроумные политические комбинации - всего лишь пустые теории. Примените организацию Американских соединенных штатов к германским княжествам или к итальянским государствам. Что получится? Заботиться о политической мощи прежде, чем обеспечена социальная основа, значит увенчивать кровлей здание, лишённое фундамента» [13, с. 162]. Следовательно, М. С. Лунин был сторонником географического детерминизма, характерного для просветителей XVIII в. По мнению К. Ф. Рылеева, каждый человек обладает свободой воли, но человечество в целом не имеет её. Человек достигает своей цели только тогда, когда действует в соответствии с законами истории: «Таким образом, приняв за основную истину, что человек в частности свободен, а человечество нет, можно и должно будет поставить нравственным законом для наших деяний: поступай так, чтобы твои поступки не противоречили воле промысла» [43, с. 560]. Под «промыслом» К. Ф. Рылеев подразумевал объективные законы истории. Они проявляются в «духе времени». Форма правления зависит не от произвола отдельных лиц, а от объективных обстоятельств. Искусство развивается вместе с обществом: «Формы древней драмы, точно как формы древних республик, нам не в пору. Для Афин, для Спарты и других республик древнего мира чистое народоправление было удобно, ибо в оном все граждане могли участвовать. И сия форма правления их не нарочно была выдумана, не насильно введена, а проистекала из природы вещей, была необходимостью того положения, в каком находились тогда гражданские общества. Точно таким же образом три единства греческой драмы в тех творениях, где оные встречаются, не изобретены нарочно древними поэтами, а были естественным последствием существа предметов их творений» [42, с. 555]. Значительное влияние на формирование исторических взглядов К. Ф. Рылеева оказали идеи просветителей. Целью истории он считал «усовершенствование», то есть умственное и нравственное развитие человечества. Это необратимый процесс: «Усовершенствование есть цель, к которой стремится оно по предназначению промысла; история всех народов служит тому неопровержимым доказательством. Никакие усилия Омаров не в состоянии остановить его на сем пути; высокие истины, обнаруженные однажды мудрецами, бессмертны» [43, с. 560]. Главной движущей силой истории он считал просвещение, причиной всех несчастий - невежество. Если под просвещением подразумевается распространение научных знаний, это не противоречит материалистическому пониманию истории,

так как наука является главным двигателем развития производительных сил. По мнению К. Ф. Рылеева, в древности человечество стремилось к деспотизму, начиная со средних веков - к свободе: «Человек от дикой свободы стремится к деспотизму; невежество причиною тому... Человек от деспотизма стремится к свободе; причиною тому просвещение» [38, с. 558]. Следовательно, история развивается по спирали: от «дикой свободы», то есть от первобытного состояния, к деспотизму, от деспотизма к просвещённой свободе. По мнению П. И. Пестеля, национальный характер каждого народа определяется природными условиями, религией и законодательством: «Религия служит основным способом морального развития, и для правительства не безразлично, какая религия является господствующей, так как различие религии не одинаково влияет на интеллектуальное развитие населения. Законодательство оказывает большое влияние на общее развитие населения, ибо граждане, обязанные подчиняться законам, естественным образом воспринимают и их характер, а также и потому, что законы гражданские и уголовные, отчасти направляя поведение индивидуумов, могут внедрить в них принципы морали и добродетели. ... Нации, обитающие в местностях, похожих одна на другую, религия и законодательства которых сходны между собой, находясь на одной и той же ступени культуры и имеют одни и те же нравы, один и тот же национальный характер» [29, с. 71]. В то время он отмечал положительное влияние крупной промышленности на развитие культуры: «Фабрики открывают новый источник богатств, не зависящий от земельной собственности, источник богатств, который делает художника гражданином всех стран и распространяет дух независимости и свободы. Земледелие, напротив, утверждает самый точный принцип собственности и неравенства и покровительствует рабству. Свободные искусства - живопись, скульптура, архитектура - много выигрывают от прогресса фабрик, для которых они работают. Химия, механика, ботаника, физика находят здесь объект, достойный своих изысканий, и даже философские науки суть изыскания о природе народного богатства, которое возрастает на их глазах» [Там же, с. 62]. Поведение человека во многом определяется его положением в обществе и всей системой общественных отношений: «Это общее правило: где земледелец - раб, там землевладелец расточителен. А расточительность разоряет земледелие, которое может прогрессировать только при наличии сбережений. Если вы покровительствуете классу фабрикантов и купцов, принося им в жертву земледелие, то их стремление к умеренной наживе, свойственное их классу, ввиду того, что они сильно рискуют, - а это совершенно незнакомо помещикам, так как их доход более верный, - сообщается всей нации. Благородные чувства, возвышенность характера, патриотизм будут встречаться всё реже. Купец и фабрикант не имеют отечества, только земледелец имеет его. Заработать насколько возможно больше, при случае обмануть, - вот какие чувства станут всеобщими. Только богатый человек сумеет стать талантливым человеком, а народ огрубеет и станет скупым. Но если вы будете уважать права каждого класса граждан, если вы будете оказывать им покровительство без всякого предпочтения, если вы обеспечите им неприкосновенность, возможно более широкую, то задатки добродетели, имеющиеся в сердцах всех людей, разовьются, и ваша нация будет нравственна» [Там же, с. 45]. Таким образом, П. И. Пестель поставил вопрос о влиянии общественного бытия на общественное и индивидуальное сознание и развития производительных сил на социальное, политическое и духовное развитие общества. Он очень близко подошёл к материалистическому пониманию истории. Сущность исторических событий конца XVIII - начала XIX в. П. И. Пестель видел в борьбе народа с аристократией: «Мне казалось, что главное стремление нынешнего века состоит в борьбе между массами народными и аристократиями всякого рода, как на богатстве, так и на правах наследственных основанными» [28, с. 166]. Мысль о том, что бытие определяет сознание, высказал Н. А. Бестужев в «Записках о Голландии»: «Действие внешних обстоятельств необходимо образует характер человеческий...» [6, с. 58]. Н. А. Бестужев видел главную причину реформации и секуляризации западноевропейского общества в развитии науки, техники и торговли: «Но уже готовился в Европе важный переворот. Возрождение наук, распространение торговли, изобретение книгопечатания и компаса приблизили эпоху, в которую разум человеческий долженствовал свергнуть иго предрассудков, положенное на него временами варварства. Уже перестали верить безгрешности пап; открыто жаловались на злоупотребление их власти, на продажу отпущения грехов, а наиболее на притеснения их, преступавшие меры» [Там же, с. 47]. Экономические взгляды Н. А. Бестужева развивались в направлении от меркантилизма к учению физиократов. В своём главном историческом труде «Опыт истории российского флота» он назвал торговлю главным источником богатства и в ней видел главную причину создания флота [7, с. 38-40]. В то же время он признавал, что источником народного богатства является земледелие: «Рассматривая причины благосостояния царств, он [Пётр I] понял великую истину, что счастье народов зависит от земледелия и торговли, что первое доставляет богатство, а вторая даёт оному обращение, что, не стесняя внутреннюю и распространяя внешнюю торговлю, государство достигает до надлежащей степени своего возвышения» [Там же, с. 62]. Н. А. Бестужев придавал большое значение географическому фактору, но подразумевал под ним не размеры государства и не рельеф, а условия для развития промышленности, прежде всего запасы промышленного сырья. Он не связывал напрямую форму правления и национальный характер с природными условиями. Следовательно, его взгляды на роль природных условий в жизни общества значительно отличались от географического детерминизма XVIII в. Н. А. Бестужев изложил историю развития русской промышленности в XVII в., особенно судостроения и связанных с ним отраслей, но не исследовал влияние производства на развитие общества. А. А. Бестужев связывал падение авторитета дворянства и рост влияния среднего сословия, то есть интеллигенции и буржуазии, с изобретением огнестрельного оружия и книгопечатания: «Изобретение пороха и книгопечатания добило старинное дворянство. Первое ядро, прожужжавшее в рядах рыцарей, сказало им: «Опасность равна для вас и вассалов

ваших». Первый печатный лист был уже прокламацией победы просвещённых разночинцев над невеждами-дворянчиками» [5, с. 58]. Следовательно, А. А. Бестужев признавал влияние производительных сил на развитие общества. Однако конфликт между буржуазией и дворянством он объяснял не экономическими, а психологическими причинами. Декабристы отводили народу решающую роль в истории. «С народом всё можно, без народа ничего нельзя...», - писал Н. А. Крюков [11, с. 417]. По его мнению, революция - закономерный этап развития общества. Она всегда была обусловлена объективными причинами и, как правило, способствовала экономическому и культурному развитию общества: «Революции нового времени, разрушив известные предрассудки, изошрив умы и опрокинув неудобные преграды, по-видимому, были скорее благоприятны, чем вредны для успехов развития богатства. ... Революции, случающиеся в больших государствах, никогда не бывают делом случая или каприза народа» [Там же]. О праве активного меньшинства на переустройство общества в соответствии со своими воззрениями думал и Е. П. Оболенский: «...я спрашивал самого себя - имеем ли мы право как частные люди, составляющие едва заметную единицу в огромном большинстве населения нашего отечества, предпринимать государственный переворот и свой образ воззрения на государственное устройство налагать почти насильно на тех, которые, может быть, довольствуясь настоящим, не ищут лучшего, если же ищут и стремятся к лучшему, то ищут и стремятся к нему путём исторического развития?... Я понимал также, что государственное устройство есть выражение или осуществление идей свободы, истины и правды; но форма государственного устройства зависит не от теоретического воззрения, а от исторического развития народа, глубоко лежащего в общем сознании, в общем народном сочувствии» [21, с. 86-87]. По мнению К. Ф. Рылеева, тайное общество выражало интересы и стремления большинства народа: «Он говорил, что идеи не подлежат законам большинства или меньшинства, что они свободно рождаются и свободно развиваются в каждом мыслящем существе, далее, что они общительны, и если клонятся к пользе общей, если они не порождения чувства себялюбивого и своекорыстного, то суть только выражения несколькими лицами того, что большинство чувствует, но не может ещё выразить. Вот почему он полагал себя вправе говорить и действовать в смысле цели Союза как выражения идеи общей, ещё не выраженной большинством, в полной уверенности, что едва эти идеи сообщатся большинству, оно их примет и утвердит полным своим одобрением» [Там же, с. 87]. Следовательно, и К. Ф. Рылеев, и Е. П. Оболенский признавали народ верховным судьёй в споре между тайным обществом и правительством. Они считали волю народа единственным источником власти и предоставляли право выбора формы правления Учредительному собранию, избранному всем народом. М. С. Лунин впервые поставил вопрос о долге интеллигенции перед народом: «Эпохи переходные, неизвестные в таинственном шествии народов к цели общественного устройства, являют случаи, в которых действия лиц политических, какого бы сословия они ни были, должны выходить из ряда обыкновенного, пробуждать правительства и народы, усыпленные постоянным влиянием ложного устройства и предрассудков, наложенных веками. Когда эти люди принадлежат к высшим сословиям состава общественного, тогда действия их есть обязанность и средство употребления умственных способностей платить за выгоды, которые доставляют им совокупные усилия низших сословий» [14, с. 29]. Декабристы изучали отдельные этапы развития общества. Н. А. Бестужев на примере баттов, предков голландцев, описал военную демократию: «Здесь начальники уделов, выбираемые общими голосами, более властвовали советами, нежели силою над сим воинственным народом, готовым всегда к собственной защите. Каждое семейство образовало часть войска и подчинялось своему старейшине» [6, с. 45].

Научные интересы декабристов определялись их историческими взглядами. А. О. Корнилович изучал экономическое развитие России. Государственные учреждения он исследовал постольку, поскольку они влияли на развитие производительных сил. А. О. Корнилович отмечал, что уже в VIII-IX вв. у славян существовали ремёсла и торговля. Согласно византийским, скандинавским и арабским источникам, славяне продавали холст и кожи. «Уже в VIII, IX и X вв. находим у арабских, норманнских и византийских писателей известия о торговле славян, привозивших к устью Волги, Днепра и на берега Балтийского моря холст и кожи. Мы не знаем достоверно, были ли эти произведения отечественными изделиями, но, основываясь на летописях, смело можем утверждать, что искусство выделывать кожи известно было в России во времена Владимира. Те же летописи упоминают о кованых мечах, деланных в России» [10, с. 251]. Каменное строительство на Руси началось в X в. В это время Русь торговала с Византией, Болгарией и Германией. По мнению А. О. Корниловича, искусство пришло на Русь из Византии. Торговля с Византией и принятие христианства способствовали усвоению достижений древнегреческой культуры. Феодалная раздробленность и монгольское иго препятствовали развитию производительных сил: «Система уделов, вовлекшая Россию в междоусобные войны, и владычество монголов, сковав её игом рабства, уничтожили все благие начинания. Мог ли народ русский думать о занятиях, требующих спокойствия и свободы, в то время, когда должен был заботиться о собственной безопасности, о защите скудного имущества и когда ежечасно опасался, чтобы произведения его трудов не сделались жертвою алчности и корыстолюбия притеснителей» [Там же, с. 252]. Однако искусство и ремёсла сохранились, особенно в Новгороде. Промышленность возрождалась по мере ослабления монгольского ига. При Дмитрии Донском возобновились связи с Европой, кожаные деньги были заменены металлическими, что свидетельствовало о развитии торговли. При Иване III связи с Европой стали постоянными. В 1569 г. Россия заключила договор с Англией о разрешении английским купцам и промышленникам искать, добывать и выплавлять железо в России и вывозить его в Англию. Они обязывались учить русских технологии металлургического производства. По мнению А. О. Корниловича, торговля с Англией способствовала развитию промышленности и просвещения. Деятельность Ивана Грозного А. О. Корнилович

оценивал в целом положительно: «Иоанн Грозный прилагал более стараний, нежели все его предшественники, к образованию народа» [Там же, с. 253]. Об опричнине он не упоминал. В отличие от большинства декабристов, А. О. Корнилович положительно оценивал переселение иностранцев в Россию. По его мнению, деятельность Бориса Годунова способствовала развитию образования и росту материального благосостояния народа: «Годунов, злодейством проложив себе дорогу к трону, но благодетель народа на престоле, забываясь, может быть, более всех своих предшественников о распространении довольства и образования между подданными» [Там же, с. 255]. Смута привела к экономическому упадку и по своим последствиям была сопоставима с монголо-татарским игом: «Шведы грабительством Новгорода довершили упадок оно, а поляки сожжением Москвы в 1612 г. истребили все мудрые начинания государей российских для общего блага. Таким образом, россияне при вступлении Михаила находились в том же положении, в каком были, освободившись от ига монголов, исключая успехов, хотя и временных, в просвещении, приобретённых в полтора века законного правления» [Там же]. А. О. Корнилович положительно оценивал правление Алексея Михайловича, назвал его «самым блестящим в нашей истории XVII столетия» [Там же, с. 250] и отмечал недостаточную изученность этого периода. Причину этого он видел в малочисленности источников и объяснял её тем, что современники Алексея Михайловича не понимали его намерений. По мнению А. О. Корниловича, Алексей Михайлович подготовил реформы Петра I. А. О. Корнилович исследовал отраслевую структуру промышленности и территориальное разделение труда, но не технологию, и не видел различия между мануфактурой и фабрикой. Он изучал также историю денежного обращения, медицины и повседневной жизни. Основные источники - Соборное уложение и записки современников. А. О. Корнилович положительно оценивал «Соборное уложение» и не упоминал о том, что оно завершило процесс закрепощения крестьян и положило начало оформлению абсолютизма. Он не выявил влияние производительных сил на социальную структуру общества и форму государства. Взгляды А. О. Корниловича на правление Ивана Грозного, Петра I и деятельность иностранцев в России настолько расходятся с взглядами лидеров движения декабристов - К. Ф. Рыльева, И. Д. Якушкина, М. А. Фонвизина, - что возникает вопрос, выражал ли он мнение большинства декабристов или только своё мнение.

М. А. Фонвизин изучал государственные учреждения, прежде всего, элементы демократии в государственном строе допетровской России. Он отмечал недостаточную изученность русских демократических учреждений: «Наши историки, особенно Карамзин, скупы на этого рода подробности: говорят о них слегка или вовсе пропускают проявления в России политической свободы и те учреждения, которые ей благоприятствовали. Русские историки, напротив, везде стараются выставлять превосходство самодержавия и восхваляют какую-то блаженную патриархальность, в которой неограниченный монарх, как нежный чадолюбивый отец, и дышит только одним желанием счастливить своих подданных» [47, с. 262]. По мнению М. А. Фонвизина, до XVII в. в России не было крепостного права: «Крепостное рабство земледельцев, в те времена общее всей Западной Европе, в России до XVII столетия не существовало: все русские были вольные люди» [Там же]. Демократические традиции он считал исконно русскими, деспотизм - принесённым извне: «Древняя Русь не знала рабства политического, ни рабства гражданского: то и другое привилось к ней постепенно и насильственно, вследствие несчастных обстоятельств» [Там же]. По мнению М. А. Фонвизина, свобода предшествует деспотизму, то есть образованию феодального государства. Он близко подошёл к открытию военной демократии как переходной стадии от первобытного общества к цивилизации. Из всех славянских государств только Русь и Польша сохранили независимость. Польша под влиянием Германии приобрела аристократическое устройство. «Русь осталась верною коренной славянской стихии: свободному общинному устройству, основанному на началах чисто демократических» [Там же, с. 263]. Лучшим доказательством приверженности русского народа демократии М. А. Фонвизин считал Новгород. Источником власти в нём являлся народ, а князья только исполняли его волю. Уничтожить демократические традиции на Руси не смогли даже татары: «Но дух свободы живуч в народах, которых он когда-либо одушевлял. Не во все замеры он и в наших предках, даже и под игом татар» [Там же, с. 264]. Именно в этом М. А. Фонвизин видел причину созыва Земского собора. Земский собор принимал активное участие в управлении государством: в 1550 г. утвердил новый Судебник, в 1566 г. принял решение о продолжении Ливонской войны, в 1598 г. избрал царём Бориса Годунова, в 1649 г. принял Уложение, в 1682 г. отменил местничество [Там же, с. 265]. Одну из причин свержения Василия Шуйского М. А. Фонвизин видел в том, что он не был избран Земским собором, а возведён на престол боярами. М. А. Фонвизин считал Земский собор аналогом сословно-представительных учреждений других европейских стран: «Бытие в России государственного собора, или земской думы, имеет характер чисто европейский - никогда ничего подобного не бывало у народов Азии, оцепенелых в своей тысячелетней неподвижности. Это такая же институция, как государственные чины, которые собирались во Франции, или английские парламенты» [Там же, с. 269]. Английский парламент XV-XVI вв. был не более независимым от верховной власти, чем Земский собор. По мнению М. А. Фонвизина, если бы Земский собор собирался регулярно, в России установилась бы конституционная монархия. Отношение М. А. Фонвизина к Петру I было двойственным. Он был одним из немногих людей своего поколения, кто понял противоречивость этой исторической личности. М. А. Фонвизин одобрял просветительскую деятельность Петра I и считал его главной заслугой победу над шведами, но осуждал его деспотизм. Пётр I не улучшил местное управление и не ограничил произвол чиновников. Его указы отличались бессистемностью и вносили беспорядок в законодательство. Он объединил крепостных крестьян с

кабальными холопами и тем самым «усугубил тяготившее их рабство» [Там же]. Его реформы не улучшили жизнь народа, так как он думал не о благе своих подданных, а о внешнем могуществе государства: «... гениальный царь не столько обращал внимание на внутреннее благосостояние народа, сколько на развитие исполнительского могущества своей империи» [Там же, с. 268]. Знакомство с европейскими обычаями М. А. Фонвизин считал условием прогресса, но осуждал внешнее, бездумное подражание. По его мнению, Петру I был чужд сам дух европейской цивилизации: «Если Пётр старался вводить в России европейскую цивилизацию, то его прельщала более её внешняя сторона. Дух же этой цивилизации - дух законной свободы и гражданственности, был ему, деспоту, чужд и даже противен. Мечтая перевоспитать своих подданных, он не думал вдохнуть в них высокое чувство человеческого достоинства, без которого нет ни истинной нравственности, ни добродетели. Ему нужны были способные орудия для материальных улучшений по образцам, виденным за границей: для регулярных войск, флота, для украшения городов, построения крепостей, гаваней, судоходных каналов, дорог, мостов, заведения фабрик. Он особенно дорожил людьми специальными, для которых наука становится почти ремеслом; но люди истинно образованные, осмысленные, действующие не из рабского страха, а по чувству долга и разумного убеждения, - такие люди не могли нравиться Петру, а скорее должны были ему казаться свидетелями беспокойными и опасными для его железного самовластия, не одобряющими тех тиранических действий, которые он слишком часто позволял себе» [Там же]. М. А. Фонвизин осуждал также подчинение церкви государству. Причинами дворцовых переворотов он считал отсутствие закона о престолонаследии и борьбу придворных группировок, движущей силой - гвардию, отмечал, что Екатерину I поддерживали иностранцы, Петра II - русские аристократы, и некоторые из них хотели ограничить монархию.

М. С. Лунин опровергал легенду о добровольном призвании варягов и считал наиболее вероятным насильственный захват ими власти в Новгороде. Менее вероятным, по его мнению, было приглашение их для защиты от внешних врагов: «Их водворение может объясниться только двумя предположениями. Мнение, что, призванные для защиты, они владели краем, похоже на правду; оно согласно и с обычаями времени, и с хитрым воинственным характером *морских королей*. Можно также принять мнение, что второе нападение их было удачнее первого, и что право завоевания было началом их владычества. Последнее, кажется, вернее, потому что ближе к обыкновенному ходу событий» [16, с. 122]. М. С. Лунин отмечал, что славяне сопротивлялись варяжским князьям: «События этого времени ознаменованы бунтом древлян, полочан, радимичей и других племен и мщением, которое правительство излило на них» [Там же, с. 123]. «Русскую правду» он считал сборником норманнских законов, дополненным случайными, не связанными друг с другом постановлениями. По его мнению, она не соответствовала потребностям русского народа. По мнению М. С. Лунина, князья Рюриковичи не пользовались авторитетом в народе. Итоги их правления М. С. Лунин оценивал в целом отрицательно. Начало феодальной раздробленности он относил ко времени смерти Владимира I. По мнению М. С. Лунина, раздробление было для Руси ещё большим злом, чем монгольское нашествие, так как истощало силы народа и препятствовало его развитию. Монгольское нашествие показало неспособность князей защитить страну от внешних врагов. Причину этого М. С. Лунин видел в том, что «они заботились только о себе в бедствиях отечества и перед ханами искали такого же унижения, какого требовали от своих подданных» [Там же]. По его мнению, литовские князья положили начало освобождению Руси от татарского ига. Московские князья заботились только о личном обогащении и усилении своей власти. Не князья, а народ освободил Русь от татар. Удельные князья не пользовались авторитетом в народе, поэтому объединительная политика Ивана III не встретила сопротивления нигде, кроме Новгорода. М. С. Лунин осуждал тиранию Ивана Грозного и считал её закономерным следствием самодержавия. В то же время М. С. Лунин отмечал, что термин «самодержец» впервые встречается в грамотах Василия Шуйского. М. С. Лунин различал единовластие, то есть единое государство, в отличие от раздробленного на уделы, самодержавие - неограниченную монархию - и тиранию - злоупотребление властью, террор правительства против своих подданных. По его мнению, московские князья, так же как киевские и суздальские, стремились к единовластию, то есть к объединению всей страны под своей властью. Они управляли государством совместно с Боярской думой. Важную роль в политической жизни Руси играло вече. По мнению М. С. Лунина, оно существовало до 1570 г., то есть до похода Ивана Грозного на Новгород и Псков. Вечевые республики: Новгород, Псков и Вятку - М. С. Лунин считал лучшим доказательством способности русского народа к самоуправлению. В XVI-XVII вв. наряду с царём и Боярской думой в управлении государством принимал участие Земский собор. В 1550 г. он утвердил новый Судебник, в 1566 г. принял решение о продолжении Ливонской войны, в 1598 г. избрал царём Бориса Годунова, в 1613 г. - Михаила Романова, после Смуты принял Соборное уложение, решал вопросы о войне с Польшей, о присоединении к России Азова и Украины, об отмене местничества. По мнению М. С. Лунина, если бы права, полномочия и сроки созыва Земского собора были чётко определены законом, он мог бы стать полноценным парламентом. Деятельность Бориса Годунова М. С. Лунин оценивал в целом положительно. Завершению его полезных начинаний помешали бояре и Лжедмитрий I. Обещание Василия Шуйского никого не наказывать без суда и без прямых улик М. С. Лунин считал шагом вперёд в развитии государственного строя России и видел главную причину его слабости в том, что он не был избран Земским собором. М. С. Лунин отмечал, что нападение Польши и Швеции на Россию не позволило Василию Шуйскому утвердиться на престоле, но, в отличие от других декабристов, не анализировал последствия войны с Польшей. М. С. Лунин ставил Петру I в вину прекращение созыва Земского собора и

подчинение церкви государству. После смерти Петра I началась борьба за власть между аристократическими группировками, что привело к дворцовым переворотам, беззаконию, произволу императоров и их приближённых. М. С. Лунин одобрял попытку Верховного тайного совета ограничить монархию и созвать Земский собор, причину неудачи этой попытки видел в противодействии дворян. Опираясь на их поддержку, Анна Ивановна разорвала «кондиции», ограничивавшие её власть, и стала самодержавной правительницей. Реальная власть принадлежала немцам: И. Бирону и К.-Г. Левенвольду. М. С. Лунин, так же как и другие декабристы, считал бироновщину бедствием для России, А. П. Волюнского и его сподвижников - национальными героями. М. С. Лунин положительно оценивал просветительскую деятельность Н. И. Новикова и А. Н. Радищева, конституционные проекты Н. И. Панина и Д. И. Фонвизина, выступления отдельных депутатов Уложенной комиссии против крепостного права и самодержавия и видел в них предшественников Тайного общества [15, с. 148]. Таким образом, М. С. Лунин отмечал постоянную борьбу демократических и авторитарных тенденций в государственном строе России. Его мнение о скандинавском происхождении «Русской правды» было впоследствии опровергнуто В. О. Ключевским, Н. П. Павловым-Сильванским и Б. Д. Грековым, исследования русских историков второй половины XIX - XX вв. показали, что он недооценивал роль московских князей в объединении Руси и освобождении её от татарского ига, но следует учитывать, что М. С. Лунин брал факты из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и расходился с ним только в оценках. Следовательно, М. С. Лунин был на уровне исторической науки своего времени. Его оценки деятельности Ивана Грозного, Бориса Годунова, Земских соборов XVII в. совпадают с мнением наиболее выдающихся русских историков второй половины XIX - начала XX вв.: С. М. Соловьёва, В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова, Н. П. Павлова-Сильванского.

Н. А. Бестужев исследовал историю русского флота и рассматривал её в связи с историей России в целом. Причиной создания флота он считал внешнюю торговлю. В киевскую эпоху Русь торговала с Византией, Швецией, Норвегией, Данией, странами Востока. Н. А. Бестужев описал морские походы русских князей в Византию в X в. Сведения о средневековых русских кораблях он брал только из письменных источников. По его мнению, русский флот в то время не уступал флотам других стран Европы. Княжеские междоусобицы и монголо-татарское нашествие замедлили развитие внешней торговли, а следовательно, и флота. Причину феодальной раздробленности Н. А. Бестужев видел не в развитии производительных сил, а в политике Владимира Мономаха. Раздробление Руси на удельные княжества ослабило её обороноспособность. Монголо-татарское иго Н. А. Бестужев рассматривал как абсолютное зло для России. Оно привело к упадку внешней торговли, как сухопутной, так и морской. Новгород не подвергся татарскому нашествию, но его морской торговле препятствовали шведы. Н. А. Бестужев рассматривал Новгород как пример положительного влияния морской торговли на экономическое развитие государства, упомянул о республиканском устройстве Новгорода в средние века. Он считал Новгород неотъемлемой частью Руси и признавал закономерность присоединения его к Московскому государству. Главными заслугами Ивана III Н. А. Бестужев считал свержение татарского ига, объединение Руси и восстановление внешней торговли. Заслугами Ивана Грозного он считал присоединение Казани, Астрахани и Сибири, взятие Юрьева и Нарвы во время Ливонской войны, попытки восстановления морской торговли и создания флота, но ставил ему в вину опричный террор и разгром Новгорода. Именно в опричнине Н. А. Бестужев видел причину отставания России от других стран Европы: «Когда другие европейцы, вооружённые благодетельным компасом, обходили целый свет, отыскивая неведомые страны, и, отягощённые корыстью, обогащали свои государства, россияне, променяв татарский плен на иго деспотизма, под страхом смерти не смели выезжать из своего отечества, обогащали чужестранцев, приходивших к ним кораблями, сами же, видя свободу и промышленность заключёнными в тесные пределы, приучили характер свой мыслить, что всякое нововведение есть поступок, противный религии и повиновению законной власти» [7, с. 43]. Н. А. Бестужев обратил внимание на противоречие между намерениями и действиями Ивана Грозного и видел причину этого в его стремлении к неограниченной власти: «Со всем тем поступки Иоанна не соответствовали его намерениям: он помышлял о просвещении подданных, видел пользы своего государства, но часто жертвовал ими властолюбивым своим видам» [Там же]. Войны с Польшей в XVII в. Н. А. Бестужев считал справедливыми со стороны России, польско-шведскую интервенцию и Смуту в целом рассматривал как национальное бедствие. По мнению Н. А. Бестужева, Смута помешала созданию флота. Н. А. Бестужев отмечал, что в XVII в. в России были как гребные, так и парусные суда. Он подробно описал экспедиции С. И. Дежнёва и В. Д. Пояркова. Присоединение Восточной Сибири к России Н. А. Бестужев оценивал положительно. Он одобрял преобразования Алексея Михайловича, Фёдора и Софьи, особенно строительство парусных судов и создание полков «нового строя», упоминал о приглашении иностранцев в Россию, но не высказывал своего мнения об этом. Н. А. Бестужев осуждал жестокость С. Т. Разина и уничтожение фрегата «Орёл». Г. Е. Павлова видела в этом проявление «классовой ограниченности» декабристов. Мы видим в оценке Н. А. Бестужевым действий С. Т. Разина в Астрахани доказательство того, что для декабристов восстание не было самоцелью. Они ставили на первое место не разрушительные, а созидательные задачи революции. Для декабристов не существовали двойные стандарты. Никакие высокие цели не могли оправдать в их глазах убийство людей по сословному или классовому признаку. Отрицательное отношение Н. А. Бестужева к С. Т. Разину можно объяснить также узостью источниковой базы. В 20-х гг. XIX в. исследователям были доступны только источники, вышедшие из правительственного лагеря. «Прелестные письма» С. Т. Разина были введены в научный оборот значительно позже.

Однако, как справедливо отметила Г. Е. Павлова, Н. А. Бестужев подчёркивал, что крестьян привлекали в войско С. Т. Разина «обещания вольности» [Там же, с. 27]. Он писал о закреплении крестьян и о том, что правительство раздавало крестьян иностранным промышленникам. Отношение Н. А. Бестужева к Петру I было неоднозначным. Он одобрял просветительскую деятельность Петра I, создание регулярной армии и флота. Реформы Петра I Н. А. Бестужев считал исторически закономерными, подготовленными предшествующим развитием России, особенно в XVII в. По мнению Н. А. Бестужева, при Петре I флот стал военной силой. Историю русского судоходства до Петра I Н. А. Бестужев считал предысторией флота. Он подробно изложил историю Северной войны и рассматривал её в связи с историей русско-шведских отношений и политикой Петра I. Н. А. Бестужев считал Северную войну справедливой со стороны России и победу в этой войне рассматривал как одну из главных исторических заслуг Петра I. Вместе с тем он ставил вопрос о цене петровских преобразований, объяснял массовые побеги рабочих из Петербурга и с судовой декой непосильным трудом и невыносимыми условиями жизни, привёл конкретные статистические данные о налогообложении крестьян и посадских людей и видел причину восстания К. А. Булавина в росте налогов и повинностей. О К. А. Булавине Н. А. Бестужев писал в нейтральном тоне. А. А. Бестужев связывал развитие русского языка и литературы с историей России. Он частично признавал «норманскую» теорию и считал, что русский язык произошёл от смешения славянского языка с норманским: «Бытописания нашего языка ещё невнятнее народных: вероятно, что варяго-россы (норманны, пришлецы скандинавские) слили воедино с родом славянским язык и племена свои, и от сего-то смешения произошёл язык собственно русский» [4, с. 449]. Однако он отрицал гипотезу о добровольном призвании варягов и считал их захватчиками. По мнению А. А. Бестужева, развитию русской словесности и культуры в целом препятствовали борьба с язычеством, княжеские междоусобицы, монголо-татарское иго, польско-шведская интервенция. Деятельность Ивана Грозного, Бориса Годунова и Петра I в области культуры А. А. Бестужев оценивал положительно, отмечал, что петровские преобразования были подготовлены в XVII в., при Алексее Михайловиче: «Новообращённые россияне, истребляя всё, носившее на себе отпечаток язычества, нанесли первый удар древней словесности. Скоро минул для поэзии красный век Владимиров, и на его могиле возникли междоусобицы: Русь не могла отдохнуть под кроткою властью Ярославов и Мономахов, ибо удельные князья непрестанно ковали крамолы друг на друга, накликали половцев, угров, чёрных клобуков и воевали с ними против братий своих. Разорённое отечество вековало на бранях противу домашних врагов или на страже от набегов соседних; наконец гроза разразилась над ним, и гордый могол на пепелище русской свободы разбил странственную свою палатку. Всё, что может истребить огонь, меч и невежество, гибло. Как враны, воцарилось племя батыево над пустынями и кладбищами. Варварство заградило страхом свет с Запада и Востока. В монастырях только и в вольном Новгороде тлелись искры просвещения; зато лишь нищета и невежество ручались за безопасность прочих. Мало-помалу оправлялась Русь от бед, опершись на меч Невского и Донского; оживала в княжения Калиты и Василия Дмитриевича; но иноземное просвещение упало вместе с Новгородом и его торговлею. Иоанн Грозный призвал на Русь науки и искусства; мудрый и несчастный Годунов ревностно им покровительствовал; но ужасы междоусобицы, злодеяния самозванцев, вероломство Польши и расхищения от шведов задушили семена, посеянные его рукою. Алексей образовал искусство ратное и политическими сношениями несколько приготовил россиян к важной перемене; но до благотворного царствования Петра науки были только делом, а не системою» [Там же, с. 450-451].

Взгляды К. Ф. Рылеева на историю России отразились в его думах и поэмах. Их основные темы - Киевская Русь, борьба Руси с татарами, эпоха Ивана Грозного, история казачества, русско-польские войны XVII в., освободительная борьба украинского народа против поляков, эпоха Петра I. Эти сюжеты в творчестве поэта взаимосвязаны. Так, А. С. Матвеев был участником войны с Польшей 1654-1667 гг. и в то же время реформатором, предшественником Петра I. Первый период русской истории К. Ф. Рылеев оценивал в целом положительно, как время поступательного развития и военного могущества, хотя и осуждал отдельных князей: Игоря и Святополка. Владимира он изобразил двойственной, противоречивой личностью. Главной причиной установления монголо-татарского ига поэт видел в княжеских междоусобицах, главной исторической заслугой Дмитрия Донского считал победу на Куликовом поле. К. Ф. Рылеев осуждал Ивана Грозного, но воспел подвиг Ермака, присоединение Сибири к России. Государственную деятельность Бориса Годунова он оценивал в целом положительно. Смутное время К. Ф. Рылеев считал национальной катастрофой, тяжёлым испытанием, которое русский народ выдержал с честью. По его мнению, войны XVII в. были справедливыми со стороны России и несправедливыми со стороны Польши. Воссоединение Украины с Россией он одобрял, но осуждал политику Петра I на Украине, А. Войнаровского считал искренним борцом за свободу, жертвой обмана со стороны И. С. Мазепы. Отношение К. Ф. Рылеева к Петру I было двойственным: он считал главной заслугой Петра I победу в Северной войне, но осуждал его деспотизм. По мнению К. Ф. Рылеева, время правления Анны Иоанновны было одним из худших периодов в истории России. И. Бирона он считал тираном, врагом России, А. П. Волынского - национальным героем [31-37; 39-41; 44-46]. В своих исторических произведениях К. Ф. Рылеев, в основном, верно передавал дух времени. Единственное исключение - дума «Дмитрий Донской»:

Летим - и возвратим народу
Залог блаженства чуждых стран:
Святую праотцев свободу
И древние права граждан [45].

Других примеров модернизации истории в произведениях К. Ф. Рылеева нет. Сюжеты для своих дум он брал в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. К. Ф. Рылеев высоко оценивал труд Н. М. Карамзина, особенно 9-й том, в котором историк осудил тиранию Ивана Грозного.

Исторические взгляды А. И. Одоевского отразились в его поэме «Василько», стихотворениях «Старица-пророчица», «Зосима», «Неведомая странница», «Иоанн преподобный» и в неоконченной поэме «Василий Шуйский». А. И. Одоевский осуждал княжеские междоусобицы и одобрял деятельность Владимира Мономаха, направленную на их прекращение и организацию обороны Руси от внешних врагов. По мнению А. И. Одоевского, русский народ изначально был свободен. Деспотизм привнесён извне, прежде всего, монголами. В борьбе между Москвой и Новгородом поэт был полностью на стороне Новгорода, так как Новгород был для него олицетворением свободы, наглядным доказательством существования на Руси демократических традиций. Он осуждал тиранию Ивана Грозного. А. И. Одоевский рассматривал Смуту как национально-освободительную войну русского народа против польских захватчиков [22-26]. По его мнению, народ защищал не царя, а Родину:

Василий развенчан, но царь нам - Россия [22, с. 69].

А. В. Поджио обвинял Петра I в презрении к русскому народу, в неоправданной жестокости и считал главными последствиями его деятельности засилье иностранцев, особенно немцев, в государственном аппарате, нарушение порядка передачи власти, дворцовые перевороты, деспотизм и произвол в управлении государством [30, с. 240-245]. Вместе с тем в «Записках» А. В. Поджио эмоции преобладают над анализом, встречаются фактические неточности. Он приписал Петру I не сказанные им слова: «Пусть венец достанется достойнейшему» [Там же, с. 243]. По мнению А. В. Поджио, народ не оказал сопротивления политике Петра I, тогда как в это время произошла крестьянская война под предводительством К. А. Булавина. Поездку Петра I в Европу и обучение плотницкому ремеслу на верфях Саардама А. В. Поджио объяснял религиозными причинами, не рассматривал его экономические и политические реформы и не исследовал их предпосылки и связь с предшествующей историей России [Там же, с. 245]. Он идеализировал Петра III и Павла I. Его суждения о русском национальном характере содержат ошибки, свойственные иностранцам. А. В. Поджио недооценивал способность русского народа к развитию и к борьбе с правительством, которое действует вопреки его интересам. Поэтому очерк истории России XVIII в. в «Записках» А. В. Поджио не может считаться научным трудом. Таким образом, А. В. Поджио оценивал Петра I однозначно отрицательно. А. О. Корнилович идеализировал его. К. Ф. Рылеев, Н. А. и А. А. Бестужевы, М. А. Фонвизин рассматривали Петра I как двойственную, противоречивую личность и стремились к максимальной объективности в оценке его деятельности.

Исторические взгляды декабристов были диалектическими и носили переходный характер от объективного идеализма к диалектическому материализму. Они рассматривали историю как объективный и закономерный процесс, в котором решающую роль играет народ. Декабристы были сторонниками органического развития и допускали революционное насилие только как способ свержения правительства, мешающего поступательному развитию страны, но не как средство преобразования общества. Они впервые высказали многие идеи, получившие широкое распространение впоследствии. Н. М. Муравьев первым из русских философов и публицистов высказал мысль о борьбе противоположностей как о движущей силе истории и необходимом условии существования общества как целостной системы. М. С. Лунин впервые выразил идею долга интеллигенции перед народом, впоследствии развитую П. Л. Лавровым. М. А. Фонвизин и Н. А. Бестужев очень близко подошли к открытию военной демократии как особой стадии развития общества, хотя и не использовали этот термин. Историю России декабристы рассматривали с диалектических позиций, то есть во взаимосвязи разных сторон жизни общества, в развитии и борьбе противоположностей и, как правило, следовали принципу историзма. В центре внимания декабристов были демократические учреждения в России, развитие промышленности, военная история, реформы Петра I. Они отмечали постоянную борьбу демократических и авторитарных тенденций в истории России. Декабристы считали демократические традиции исконно русскими, а деспотизм принесённым извне. Образцом демократии для них был Новгород. Татарское иго они считали злом для России. У декабристов не было единого мнения об Иване Грозном, но большинство из них относились к нему отрицательно. По мнению декабристов, русско-польские войны XVII в. были справедливыми со стороны России и несправедливыми со стороны Польши. Смуту они оценивали как национальную катастрофу, отмечали её отрицательное влияние на экономическое и культурное развитие России. Декабристы считали реформы Петра I закономерными, подготовленными предшествующей историей России, особенно в XVII в. Их отношение к Петру I было двойственным: они одобряли его просветительскую деятельность, создание регулярной армии и флота, борьбу за выход к морям, но осуждали его деспотизм и пристрастие ко всему иностранному. Дворцовые перевороты они считали следствием борьбы между аристократическими группировками и отсутствия чёткого порядка передачи власти, осуждали вмешательство иностранцев во внутренние дела России. Отношение декабристов к каждому историческому деятелю определялось его вкладом в развитие русской культуры и промышленности, в укрепление военной мощи России и в дело освобождения русского народа.

Список литературы

1. Алпатов М. А. Варяжский вопрос в русской дореволюционной историографии // Вопросы истории. 1982. № 5.
2. Базанов В. Г. Очерки декабристской литературы. Поэзия. М.-Л.: Гослитиздат, 1961.
3. Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года. М.: Наука, 1962.
4. Бестужев А. А. Взгляд на старую и новую словесность в России // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. Т. 1.
5. Бестужев А. А. О романе Н. А. Полевого «Клятва при гробе господнем» // Бестужев-Марлинский А. А. Соч.: в 2-х т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. Т. 2.
6. Бестужев Н. А. Записки о Голландии 1815 года // Бестужев Н. А. Избранная проза. М.: Художественная литература, 1983.
7. Бестужев Н. А. Опыт истории российского флота. М.: Судпромиздат, 1961.
8. Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М. - Л.: Издательство АН СССР, 1958.
9. Ковальченко И. Д., Шикло А. Е. Основные направления в русской исторической науке последней трети XVIII - первой трети XIX в. // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР. М.: Высшая школа, 1990.
10. Корнилович А. О. Известия об успехах промышленности в России и в особенности при царе Алексее Михайловиче // Там же.
11. Крюков Н. А. Философские записки // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. Т. 2.
12. Лихачёв Д. С. Великое наследие. М.: Современник, 1975.
13. Лунин М. С. Взгляд на польские дела г-на Иванова, члена Тайного общества соединённых славян // Лунин М. С. Сочинения, письма, документы. Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1988.
14. Лунин М. С. Взгляд на русское тайное общество с 1816 до 1826 года // Мемуары декабристов. М.: Издательство МГУ, 1981.
15. Лунин М. С. Разбор Донесения тайной следственной комиссии государю императору в 1826 г. // Лунин М. С. Сочинения, письма, документы. Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1988.
16. Лунин М. С. Розыск исторический // Там же.
17. Муравьёв Н. М. Мысли об «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР. М.: Высшая школа, 1990.
18. Муравьёв Н. М. Рассуждение о жизнеописаниях Суворова // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. Т. 1.
19. Наумова Г. Р., Шикло А. Н. Историография истории России. М.: Академия, 2008.
20. Нечкина М. В. Декабристы. М.: Наука, 1982.
21. Оболенский Е. П. Воспоминания о Кондратии Фёдоровиче Рылееве // Мемуары декабристов. М.: Издательство МГУ, 1981.
22. Одоевский А. И. Василий Шуйский // Одоевский А. И. Полное собрание стихотворений. Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1958.
23. Одоевский А. И. Василько // Там же.
24. Одоевский А. И. Зосима // Там же.
25. Одоевский А. И. Иоанн Преподобный // Там же.
26. Одоевский А. И. Старица-пророчица // Там же.
27. Павлова Г. Е. Декабрист Николай Бестужев - историк русского флота. М.: Воениздат, 1953.
28. Пестель П. И. Из показаний // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. Т. 2.
29. Пестель П. И. Практические начала политической экономии // Там же.
30. Поджио А. В. Записки // Мемуары декабристов. Южное общество. М.: Издательство МГУ, 1982.
31. Рылеев К. Ф. Артамон Матвеев // Рылеев К. Ф. Стихотворения. Статьи. Очерки. Докладные записки. Письма. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956.
32. Рылеев К. Ф. Богдан Хмельницкий // Там же.
33. Рылеев К. Ф. Борис Годунов // Там же.
34. Рылеев К. Ф. Владимир Святой // Там же.
35. Рылеев К. Ф. Войнаровский // Там же.
36. Рылеев К. Ф. Вольнский // Там же.
37. Рылеев К. Ф. Дмитрий Донской // Там же.
38. Рылеев К. Ф. Дух времени или судьба рода человеческого // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. Т. 1.
39. Рылеев К. Ф. Иван Сусанин // Рылеев К. Ф. Стихотворения. Статьи. Очерки. Докладные записки. Письма. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956.
40. Рылеев К. Ф. Курбский // Там же.
41. Рылеев К. Ф. Наливайко // Там же.
42. Рылеев К. Ф. Несколько мыслей о поэзии // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. Т. 1.
43. Рылеев К. Ф. О промысле // Там же.
44. Рылеев К. Ф. Ольга при могиле Игоря // Рылеев К. Ф. Стихотворения. Статьи. Очерки. Докладные записки. Письма. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956.
45. Рылеев К. Ф. Святослав // Там же.
46. Рылеев К. Ф. Смерть Ермака // Там же.
47. Фонвизин М. А. Обзорение проявлений политической жизни в России // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР. М.: Высшая школа, 1990.